

НА ПУТИ К ФИЛОСОФИИ ИНФОРМАЦИИ [СОКОЛОВ А.В. ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ¹]

Учебное пособие профессора информатики Санкт-Петербургского университета культуры и искусств Аркадия Васильевича Соколова имеет необычный жанр – оно является «профессионально-мировоззренческим». Суть педагогической новации состоит в том, чтобы дать студентам не только специальные знания в области информационных дисциплин, но и разобраться в сути самих знаний. Это предполагает восхождение на уровень философских обобщений.

При чтении интересной работы А.В. Соколова не раз возникает вопрос, с чем же мы на самом деле имеем дело – с учебным пособием или с научной монографией, которой в силу каких-либо причин придан вид учебного пособия (см., например, «Предисловие» (с. 5–8), «Профессионально-мировоззренческие упражнения» (с. 18, 60–61, 135–136, 275–277, 355–356).

Как представляется, серьезность, основательность и обилие детализаций в большей мере сближает текст с дискурсом монографии, чем учебного пособия. В книге присутствует ряд идей, которые, как кажется, ранее не были апробированы в научной литературе. Это размышления о природе и сущности информации (глава 3, с. 137–277) и о месте философии информации в системе научного и философского знания (глава 4, с. 278–356).

Автор указывает, что пособие адресовано «студентам и преподавателям, изучающим курсы “Информатика”, “Информационные

¹ Соколов А.В. Философия информации: Проф.-мировоззр. учеб. пособие / С.-Петербург. гос. ун-т. культуры и искусств. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.

системы”, “Социальные коммуникации”, а также разработчикам и пользователям информационных систем, ученым-информатикам и научным работникам всех других специальностей. Оно будет интересно читателям книг и завсегдатаям Интернета, короче говоря, всем, кто вознамерился стать обитателем информационного общества (общества знаний)» (с. 2). Таким образом, круг потенциальных читателей довольно широк.

Основная часть книги состоит из четырех глав: «Глава 1. Генезис категории информации»; «Глава 2. Познание информации»; «Глава 3. Природа и сущность информации»; «Глава 4. Философия информации в системе научного и философского знания».

В главах 1 и 2 содержится «аналитический обзор трактовок информации в различных отраслях научного знания... Здесь реализуется первое приближение к постижению сущности информации на уровне логических обобщений, свойственных “положительным наукам” (позитивизм), а не на уровне философской метафизики» (с. 17). Центральное место в книге занимает глава 3. Она посвящена «философскому осмыслению и раскрытию природы и сущности информации... ответу на вопрос “что есть информация по существу?”» (с. 17). В ней представлены рабочие гипотезы, требующие, дополнительной верификации. Назначение главы 4 состоит в «осмыслении проблематики философии информации и места ее в системе научного и философского знания» (с. 18). По словам самого автора, первые две главы написаны в позитивистском ключе, третья является метафизической, а четвертая, как можно предположить, – научно-методологической. Теперь перейдем к рассмотрению глав по отдельности.

Глава 1 «Генезис категории информации» напоминает сюжет приключенческого повествования. В ней показывается, как информационная проблематика в нашей стране обрела научный статус в родительском лоне кибернетики, как сменяли друг друга механистический и логико-лингвистический проекты покорения информации. Оба они достигли поставленных целей лишь частично. Окончательно покорить информацию так и не удалось. Заключает главу методологический параграф под названием «“Информационные очки” как эпистемологический инструмент». В целом глава производит впечатление не только достоверной исторической реконструкции, но и живого свидетельства участника событий. Это особенно ценно. На наш взгляд, автор сумел удачно соединить в повествовании исторические факты с личным жизненным опытом.

Правда, перечисляя ученых, сыгравших решающую роль в научной экспансии кибернетики в СССР, – академики С.Л. Соболев, А.А. Ляпунов (кстати, он был членом-корреспондентом АН СССР, а в год его смерти допущена опечатка: не 1873, а 1973 г.), Л.В. Канторович (не вполне понятно, почему он попал в этот список), В.М. Глушков и А.И. Берг (с. 21), – А.В. Соколов не упоминает об А.И. Китове (1920–2005). Он называет лишь А.И. Берга «отцом кибернетики в СССР». Это дискуссионный вопрос. Как принято считать, «отцов кибернетики» в СССР было три: А.А. Ляпунов (кибернетик – идейный вдохновитель), А.И. Берг и А.И. Китов (кибернетики-организаторы, или «кибернетики в погонах»).

Но это детали. А.В. Соколов прекрасно реконструирует процессы зарождения и развертывания различных концепций информации: 1) «шенноновской» (математической), 2) сигнальной и 3) семантической. Весьма ценно и эвристически плодотворно предположение о том, что «между обнаруженными нами тремя типами информации – шенноновской, сигнальной и семантической – нет непроходимой границы, как нет ее между секторами культуры. Несмотря на очевидные различия в носителях, функциях, областях применения, я полагаю, что есть органическая связь, объединяющая все типы и виды информации. Поэтому в заглавии главы 1 говорится о генезисе понятия информации в единственном числе, а не о генезисе нескольких типов информации» (с. 50).

Обратим внимание на приведенную в книге цитату А.И. Берга о том, что кибернетика допускает самые различные трактовки понятия информации: «Термин “информация” не имеет точного определения. Это не должно нас смущать, так как для дальнейшего развития теории управления мы не так уж нуждаемся в точных определениях некоторых понятий. Ведь мы не знаем, что такое время, никто не может определить этого слова, но мы отлично измеряем время с высокой точностью» (с. 23). Не здесь ли, в этой толерантности кибернетики к определениям информации закладывалась возможность для образования целого веера несоместимых друг с другом «информатик», каждая из которых, имея в виду лишь часть, претендовала на знание об информации в целом?

Доставляет несомненное интеллектуальное удовольствие то, как автор систематизирует концепции, отвечающие на вопрос «что такое информация?»: 1) атрибутивные концепции, 2) функциональные концепции и 3) антропоцентристские (социоцентристские) концепции, а также характеризует стихийный информационный

подход в науке и массовом общественном сознании. Последний носит название «информационных очков». Подобно тому как Изумрудный город в повести А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» существовал лишь тогда, когда его жители надевали специальные очки, информация тоже возникает тогда, когда используется информационный подход. «Допустим, раньше книгу считали “источником знания”, а в свете информационного подхода она выглядит “источником информации”; раньше у любознательных детей были познавательные интересы, теперь – информационные потребности, раньше специалисты были опытными, теперь – информированными. Учащиеся приобретают “информационное мировоззрение”, мир стремительно информатизируется, и через “информационные очки” после индустриального общества просматривается “информационное общество”» (с. 56).

Но если *«информационный подход первичен, информация вторична»* (с. 56), тогда информации не должно существовать вне человека, т.е. верны антропоцентристские (социоцентристские) концепции информации. К сожалению, автор не дает на этот вопрос четкого ответа, как он это делал, например, в работе «Мета-теория социальной коммуникации» (2001). Так, с одной стороны, в книге утверждается, что «дематериализованная информация, информация в “чистом виде” – типичный фантом, неведомое сверхъестественное явление» (с. 59), с другой – предлагается различать два рода информации – *информацию естественную*, образовавшуюся спонтанно, независимо от воли людей, и *информацию искусственную*, целенаправленно сотворенную человеком (там же). Но если информационный подход первичен, а информация вторична, то как может существовать «естественная информация»?

Глава 2 «Познание информации» посвящена характеристике и анализу содержания так называемых *информационных наук* – дисциплин, «поставивших целью раскрытие природы и сущности информационных явлений, областей применения и возможностей использования различных типов и видов информации» (с. 60). В параграфе 2.1 «Информационный подход к познанию реальности» тема «информационных очков» получает продолжение. «Нужно исходить не из презумпции объективного существования информации, а из методологического подхода к изучению объективной реальности. Информация появляется только в том случае, если берется на вооружение методология информационного подхода, т.е. надеваются “информационные очки”. По этой причине информация не существует вне информационного подхода, как

скорость не существует вне движения» (с. 63–64). Но еще зададимся вопросом, а что делать с «информацией естественной», образовавшейся независимо от воли людей (с. 59)? Автор различает корректный и некорректный информационный подходы в науке. В первом случае исследователем осознается первичность информационного подхода и вторичность информации, во втором – информация априори считается реальным объектом действительности.

Пожалуй, можно в целом согласиться с предлагаемой периодизацией информационных наук: 1) 60-е годы – становление первой научной концепции – научной информатики; 2) 70-е годы – общенаучная экспансия информационного подхода и появление обобщающих метатеорий; 3) 80-е годы – утверждение кибернетической (комплексной) информатики в качестве государственно санкционированной науки; 4) 90-е годы – развитие синергетических и пантеистических теорий информации. Сделаем лишь две оговорки. Во-первых, если кибернетика была родительским лоном для всех информационных дисциплин, то почему кибернетической именуется только одна из них? В таком случае все они являются в известном роде «кибернетическими». Во-вторых, пантеистические теории информации не относятся к разряду наук, поскольку выходят за рамки научного дискурса.

Реконструкцию информационных наук в целом можно признать удачной. Однако становится очевидным, что описание любой из линий научного развития может быть проработано глубже, дополнено и уточнено. Яркие суждения, способные увлечь читателя, не всегда соответствуют действительности. Так, например, автор, ссылаясь на определение информатики, предложенное Р.С. Гиляревским в 2006 г. в книге «Информатика как наука об информации», делает вывод о том, что научная информатика перерастает в семантическую информатику, объектом изучения которой является уже не только научная коммуникация, а все виды смысловой социальной коммуникации. «Мне кажется, – пишет он, – что монографию “Информатика как наука об информации”, подготовленную Р.С. Гиляревским и его единомышленниками, можно считать начальной вехой становления семантической информатики – межнаучной теории, интегрирующей достижения многих научных дисциплин, так или иначе затрагивающих проблемы смысла, – от лингвистики, психологии, герменевтики до педагогики, коммуникативистики, искусственного интеллекта» (с. 81).

Однако уже в книге «Инфосфера. Информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе» (авторы –

Ю.М. Арский, Р.С. Гиляревский, И.С. Туров и А.И. Черный), изданной в ВИНТИ РАН в 1996 г., т.е. десятью годами ранее, обнаруживается то же самое определение: «Предметом информатики как научной дисциплины являются свойства и закономерности *семантической* информации, ее сбора, систематизации, хранения, поиска, распространения (передачи) и использования» (с. 398). Далее в этой книге подробно поясняется, почему осуществлен переход от научной к семантической информатике.

В описании «кибернетической информатики» (более удачным нам представляются словосочетания «вычислительная информатика» или «компьютерная информатика») недостаточно показана роль академика А.П. Ершова в становлении этой ветви информатики в нашей стране. Именно А.П. Ершов возглавил в 1971 г. Отделение информатики в Вычислительном центре СО АН СССР в новосибирском Академгородке. Он был первым, кто употребил в русском языке термин «информатика» в новом значении. Речь идет о предисловии редактора перевода к книге Ф. Бауэра и Г. Гооза «Информатика. Вводный курс» (М.: Мир, 1976). Архив академика А.П. Ершова полностью отсканирован и выложен в Интернет: <http://www.ershov.ras.ru>

Не очень удачным представляется разнесение социальной информатики по двум параграфам. Так «социальная информатика» А.В. Соколова попадает в параграф 2.3 «Обобщающие информационные метатеории и мегатеории», а «социальная информатика» А.Д. Урсула и К.К. Колина – в параграф 2.4 «Кибернетическая информатика и социальная информатика». В книге не ставится вопрос о том, как могут сосуществовать две дисциплины с одним названием, но совершенно с различным содержанием: первая является обобщающей метатеорией документально-коммуникационных наук (с. 93), а вторая – социально-философской рефлексией по поводу информатизации общества.

Наконец, мы подошли к главному вопросу этой главы, который касается принципа классификации информационных наук. И действительно, обилие различных концепций информатики само по себе не составляет системы. «...Для организации системного знания об этих предметах, – пишет А.В. Соколов, – нужно выделить одну, определяющую характеристику, на базе которой строится иерархическая структура – главный стержень классификации» (с. 84). Что это за характеристика? Это – уровень обобщения. «В качестве определяющей характеристики в классификации наук целесообразно выбрать свойственный наукам *уровень обобщения*,

поскольку именно уровень обобщения характеризует движение познания. Траекторию познавательного процесса очень четко представил В.И. Ленин в своих «Философских тетрадах»: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д. без конца» (с. 84).

Конкретизируя положение В.И. Ленина применительно к циклу информационных наук, А.В. Соколов приходит к схеме, напоминающей пирамиду: «В основании пирамиды лежат частные, конкретные науки (научная информатика, информационно-технологические учения, отраслевые информатики и пр.); далее – обобщающие метатеории (социальная информатика, семантическая информатика); еще выше – мегатеории (информология, милогия); наконец, вершина – гигатеория информაციологии, конкурирующая с космогонической мифологией» (с. 134). «Мне кажется, – продолжает автор, – что иерархическая структура информационных наук уже определилась, поскольку она достигла уровня гигатеории. Но наполнения разных уровней иерархии, устранение лакун, противоречий, паранаучных и лженаучных авантюр – дело будущего» (с. 134).

Вернемся к исходному пункту – цитате из «Философских тетрадей». Если В.И. Ленин говорит о процессе познания как таковом, то А.В. Соколов имеет в виду систему информационных наук. Допустимо ли переносить одно на другое? Если следовать логике этого рассуждения, то возникают едва ли преодолимые сложности в формулировании законов единой математики. Так, на ее месте возможно появление некоей пирамиды *математических наук*, включающей в себя дисциплины от землемерия и теории торговых расчетов до, может быть, даже нумерологии.

В связи со всем вышесказанным возникают сложности при попытке применения концепции А.В. Соколова к дисциплине, претендующей на статус общенаучного и междисциплинарного знания. Методология единой науки об информации (науки пока еще не сформировавшейся), по-видимому, должна пронизывать все области реальности подобно тому, как эти области пронизывает описанный выше информационный подход.

Суть вопроса состоит, на наш взгляд, в том, как относиться к пестрому конгломерату информационных дисциплин, существующих в настоящее время. Следует признать, что сегодня они не образуют системы, поскольку развивались стихийно. А.В. Соколов предлагает закрепить status quo в качестве иерархической «пира-

миды», нам же представляется, что единая будущая наука об информации должна сознательно создаваться на основе цельного методологического подхода, учитывающего достижения стихийно сложившихся информационных наук, но не идущего ни у одной из них на поводу.

Переходим к центральной в книге главе 3 «Природа и сущность информации». В ней обсуждаются следующие проблемы: «Что по природе и по существу представляет собой информация, как она трактуется в контексте философской теории познания (эпистемологии) и как она существует в реальностях разного типа (онтологический аспект)» (с. 137). Глава состоит из четырех параграфов: «3.1. Природа и категории информации»; «3.2. Информация как философская категория. Амбивалентность информации»; «3.3. Онтология информации. Типы реальностей и типы информации»; «3.4. Сущность информации. Феноменология информации».

Анализ понятия информации позволяет автору получить ценный результат – выделить пять групп его значений: 1) абстрактная фикция, элемент математической модели, создаваемой в процессе корректного информационного подхода; 2) биологический сигнал, или материальное «рабочее дело», передаваемое по каналам связи в техносфере; 3) семантические модели – сведения, смыслы, знания; 4) метафорический оборот речи, получаемый в результате некорректного информационного подхода (атрибутивная трактовка информации); 5) мифологический фантом (с. 142–143). Автору, по-видимому, недостаточно, что понятие информации обрело статус общенаучной категории, его цель – обосновать, что оно достигло уровня категории философской. При этом для него, как представляется, принципиально важно не впасть в информационную мифологию, оставаясь на почве реализма.

Следующим шагом становится утверждение об амбивалентности информации, т.е. о ее неразрывном материально-духовном единстве. А.В. Соколова не удовлетворяют односторонности атрибутивизма, с одной стороны (информация материальна), а также функционализма и антропоцентризма – с другой (информация идеальна). Считать информацию материальной сущностью нельзя, ибо она несет идеальное содержание. В то же время она не вписывается целиком и в духовную субстанцию, поскольку нуждается в материальном носителе. По мнению автора, информация, воплощая какие-то основополагающие начала мироздания, материально-

идеальна: «...природа информации не идеальна и не материальна, а *амбивалентна*, т.е. представляет собой воплощение дуалистического монизма» (с. 157). Под дуалистическим монизмом понимается философская концепция, утверждающая, что «материя и дух всегда интегрированы, всегда дополняют друг друга: материя не существует без духа, а дух без материи (природы)» (с. 155). Эта концепция получила развитие в рамках *реалистической философии* петербургского философа В.Л. Обухова.

Реалистическая философия утверждает, что «материя и дух, составляя единую субстанцию, представляют, тем не менее, два лика этой субстанции. Иными словами, реализм на место привычных монизма и дуализма с необходимостью ставит дуалистический монизм, признающий единую субстанцию, но с двумя противоположными ликами, несводимыми один к другому» (с. 156). И далее: «Абсолютно дематериализованная идеальность в "чистом виде" существовать не может; аналогично нет совершенно однородной материи, лишенной каких-либо отличительных свойств» (там же).

Но значит ли это, что наше мышление «материально-идеально» и так же «материально-идеально» бытие камня, лежащего на дороге? Здесь возникает соблазн прочтения текста А.В. Соколова, как интерпретирующего сущность информации в материальном аспекте. Ведь природа камня не может включать в себя разумно-идеальный уровень? Ранее указывалось, что информация рождается, когда мы по отношению к миру используем информационный подход. А это значит, что информация является теоретическим конструктом, понятием и, следовательно, имеет идеальную природу. Или, следуя логике автора, можно допустить, что и природа понятия в свете реалистической философии тоже материально-идеальна?

Далее, признавая информацию философской категорией (нам непонятно, зачем – ведь даже знание философской категорией не является), автор переходит к проблеме онтологии информации, т.е. рассмотрению ее способа бытия в мире. Благодаря утверждению об амбивалентной природе информации была достигнута ее *онтологизация*, т.е. признание реальности существования самой по себе, вне воспринимающего человека. Следующий шаг состоит в том, чтобы уяснить, «что представляют собой те типы и виды реальности, где якобы существует информация, как они возникли и каким образом взаимосвязаны друг с другом?» (с. 160). Пропуская подробные рассуждения о различных типах реальности, обратимся к выводу, представленному в виде итоговой онтологической таб-

лицы под названием «Типы реальностей и типы информации» (с. 243–244). В ней выявляется три типа информации – биологическая, семантическая и машинная, каждая из которых представляет собой амбивалентное материально-духовное единство. В физической реальности никакой «физической информации» не обнаруживается, но возможно использование аппарата теории Шеннона для описания неоднородностей и хаотичности космоса. Онтологическая таблица не только описывает различные виды информации в статике, но и представляет их в динамике – «показывает *коэволюцию* (взаимосвязанное развитие) реальностей и информации» (с. 242).

Наконец, мы подошли к вопросу о сущности информации. Определяя сущность как «скрытое за многообразными внешними явлениями внутреннее, *истинное содержание* познаваемого предмета» (с. 244) и используя феноменологический подход, автор приходит к следующему определению: «*Информация в сущности – амбивалентный феномен, выражающий смыслы в форме коммуникабельных знаков*» (с. 257). Этому общему определению соответствуют три частных, относящихся к выявленным ранее трем видам информации – биологической, семантической и машинной. Биологическая информация – «амбивалентный феномен, выражающий биологические смыслы в форме коммуникабельных биологических знаков», семантическая информация – «амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в форме коммуникабельных социальных знаков», а машинная информация – «амбивалентный артефакт, осуществляющий телеуправление техническими объектами и имитирующий по алгоритмическим программам семантические процессы» (там же). Семантическая информация попадает в разряд общенаучных категорий, биологическая информация оказывается межнаучной категорией, машинная информация – междисциплинарной категорией, а информация как таковая – философской категорией.

Казалось бы, сущность информации раскрыта. Но что-то мешает согласиться с этим выводом. Если с семантической информацией ситуация более-менее ясна, то что такое «биологические смыслы» и уж тем более «коммуникабельные биологические знаки», остается не вполне понятным. В случае с машинной информацией идея с имитацией семантических процессов по алгоритмическим программам выглядит остроумно, но тогда может возникнуть вопрос, по каким мотивам и в силу каких оснований возникла необходимость в онтологизации этого вида информации. Возможно

также, в тексте недостаточное внимание уделено традиционной и существенной проблеме соотношения информации и данных. Разве машина не обрабатывает данные (например, на жестком магнитном диске компьютера нет информации, а есть совокупность намагниченных и размагниченных областей – «нулей» и «единиц»), которые при их интерпретации в человеческом сознании и могут становиться информацией? Кажется убедительным то, что А.В. Соколов отказывает «физической информации» в праве на существование, вместе с тем критика может указать на то, что в силу выбранного подхода происходит не вполне очевидная «семантизация» мира живого и мира машин.

В заключение анализа третьей главы обратимся к анализу соотношения информации и данных. В уже цитированной книге «Информатика как наука об информации» содержится такое определение, принадлежащее Р.С. Гиляревскому: «*Данные* суть факты, идеи, сведения, представленные в знаковой (символьной) форме, позволяющей производить их передачу, обработку и интерпретацию (т.е. толкование, объяснение, раскрытие смысла), а *информация* – это смысл, который человек приписывает данным на основании известных ему правил представления в них фактов, идей, сообщений» (Информатика как наука об информации... – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – С. 9–10). Если следовать логике выражения «информационный подход первичен, информация вторична», совершенно ясно, что информация без данных не существует. Точно таким же образом данные, утрачивая потенциально заложенную в них человеком смысловую составляющую, превращаются в обычный материальный объект. Когда мы надеваем «информационные очки», возникает не только информация как идеальный смысл, но и данные как материальный объект, при помощи которого смысл каким-то образом фиксируется. Когда мы снимаем очки, исчезают и информация, и данные. Это значит, что нет необходимости объединять смысл и данные в «амбивалентное единство духовных смыслов и выражающих их коммуникабельных социальных знаков». Они и так объединены информационным подходом к действительности и друг без друга не существуют.

Можно высказать несколько критических замечаний относительно концепции дуалистического монизма А.В. Соколова, которую он развивает вслед за В.Л. Обуховым. Во-первых, отказ от признания материальности и идеальности как самостоятельных сторон реальности («материя и дух всегда интегрированы, всегда дополняют друг друга: материя не существует без духа, а дух без

материи (природы)», «абсолютно дематериализованная реальность в “чистом виде” существовать не может; аналогично нет совершенно однородной материи, лишенной каких-либо отличительных свойств») приводит к нерасчлененному натурфилософскому представлению о мире, в котором на самом деле нет ни материи, ни духа. Во-вторых, если в рамках подобного подхода говорить о дуализме, то речь идет не о материальном и идеальном ликах единой субстанции, а о натурфилософских первопринципах, аналогичных «инь» и «ян» в китайской философии. В-третьих, философская категория – это наиболее общее понятие, а само понятие имеет идеальный статус. Так как в рамках концепции А.В. Соколова идеальности как таковой не существует, то не существует ни понятий, ни категорий. Поэтому в границах его системы информация не может быть всеобщей философской категорией. Наконец, в-четвертых, если идеальность и материальность присущи всем без исключения явлениям, то в знаке каким-то образом должно присутствовать идеальное, а в смысле – материальное содержание.

Переходим к анализу главы 4 «Философия информации в системе научного и философского знания». Эта часть книги имеет научно-методологический характер. Заявляя о том, что философия информации – одна из новейших концепций «третьего тысячелетия» и что она строится поистине «на чистом месте», автор стремится прежде всего найти области философского знания, которые могут стать наиболее полезными для ее развития. Это пять дисциплин: 1) философия языка (ее научным партнером является семиотика); 2) философия книги (она опирается на науку документологии); 3) философия науки; 4) философия техники; 5) философия массовой коммуникации. Такой подход следует признать справедливым и методологически плодотворным. Ценным представляется и утверждение автора о том, что в философско-информационном дискурсе обнаруживаются две версии – позитивистская и метафизическая. Последняя включает в себя такие разделы, как эпистемология (гносеология) информации, онтология информации, методология информационного подхода, аксиология информации, антропология информации, феноменология информации и этика информации (с. 307). К актуальным проблемам философии информации автор относит прежде всего проблемы информационной культуры, информационного общества и становления *Homo informaticus* как особого антропологического типа (с. 310–354). К сожалению, в главе отсутствуют ссылки на уже имеющиеся отечественные статьи по философии информации, а также на проект

«философия информации», который с начала 2000-х годов развивает английский философ Лучано Флориди. Книга, несомненно, выиграла бы, если бы идеи автора были помещены в более широкий контекст работ по этой проблематике.

Оценивая книгу в целом, следует сказать, что она представляет собой первый опыт создания в нашей стране философии информации как цельной самостоятельной области философского знания. Хотелось бы надеяться, что в будущем в русском языке словосочетание «философия информации» станет столь же привычным, как и выражения «философия истории», «философия права», «философия науки», «философия техники», «философия образования». В работе синтезированы многочисленные результаты, полученные различными информационными науками. Несколько затрудняет поиск необходимых авторов и цитат отсутствие справочного аппарата, хотя бы в виде именного указателя. Но этот недостаток может быть исправлен в следующих изданиях. Что касается оригинальных идей о природе и сущности информации, то, как нам кажется, их стоило бы подробнее обсудить в экспертном сообществе. В частности, было бы интересно услышать доклад автора на эту тему на одном из заседаний научного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации».

Ю.Ю. Черный